

отметил как характерную особенность мастерства Можаява диалог, насыщенный сочным народным юмором. Ни Дымшаков, ни Сенечка не наделены такой блестяще разработанной речевой характеристикой, таким подлинно народным чувством юмора и меткостью языка — грозным смеховым оружием. Можаяву удалось создать глубоко народный, социально активный характер, яркий, запоминающийся, несомненно, полюбившийся читателю.

«Надо ли вспоминать старое?» — так называется один из очерков Б. Можаява. Сам писатель отвечает на этот вопрос: да, надо, хотя бы потому, что в сравнении с временами минувшими ярче видны наши достижения сегодняшних дней. Сейчас, в условиях перестройки, в момент резкого обострения борьбы нового со старым мы вправе сказать: да, надо, еще и потому, что необходимо проанализировать истоки противоречий, использовать опыт их преодоления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вильчек Л. Вот моя деревня [Вступительная статья] // Можаяв Б. Собр. соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1.
2. Можаяв Б. Запах мяты и хлеб пасушный. М., 1982.
3. Можаяв Б. Собр. соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1.
4. Сурганов В. Человек на земле. М., 1975.

В. И. Евсеев

г. Ишим

ИЗОБРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО И ПРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА ЛИЧНОСТИ В ПРОЗЕ В. И. БЕЛОВА

Стремясь «рассказать о том, как же человек вписывается в свое время, в свой век, в события этого века» (С. Залыгин), В. Белов создал художественную концепцию личности, позволившую многоаспектно изобразить связи современного человека с эпохой и средой. Писатель, возведя «деревенскую» тему в статус «общенародной, нужной всем», отразил исторические и социальные процессы, происходящие в стране.

Герой рассказа «В дождливый вечер» (1956) — прозаического дебюта Белова — находится в двойственном положении, которое категорически оценивается соседом Степанычем: «Дезертир ты, Олеха, вот кто! В колхозе ему... с семьей жить неохота...» [2, с. 3]. Нравственный выбор — решение вернуться к семье, в родительский дом — еще недостаточно мотивирован

в психологическом аспекте: «Ему вдруг вспомнилось все снова: и мать, разогревающая старинный желтый самовар, и тихие посиделки, и сыновья, и яркие, белого снега, зубы Насти. И Алексей... повернул обратно» [2, с. 3].

Уже для первого прозаического опыта характерно внимание Белова к семейной проблематике. В рассказе пунктирно обрисован персонаж ранней прозы писателя — человек, возвращающийся в деревню, к своим духовным корням, привычным жизненным заботам. Лирический герой миниатюры «На родине» (1962), порвавший связь с родиной, «наивно поклявшись никогда не возвращаться», испытывает и противоположное чувство, вызывающее мучительную внутреннюю борьбу: «по чем дальше и быстрее уходил, тем яростней тянуло меня обратно...» [3, с. 4]. Память героя цепко хранит былое. Он размышляет о соотношении ускоренно развивающейся городской цивилизации и отстающего от нее деревенского жизнеустройства («исчезают деревни, а взамен рождаются веселые шумные города»), находясь еще в неясной позиции: «Может быть так оно и надо» [3, с. 4].

Мотив возвращения на родину затем углубляется, перерастает в образы «малой родины» и «большой Родины», с которыми, по мнению писателя, связана целая гамма чувств и представлений человека о привычном, но уходящем укладе жизни: в сознании майора (рассказ «За тремя волоками», 1965), приехавшего туда, где «все было знакомо», и обнаружившего, что «...Каравайки больше не было на земле» [4, т. 1, с. 409], возникают душевная пустота, чувство невосполнимой утраты.

Гражданская позиция беловского героя, оценивающего в нравственно-философском и социальном плане современные процессы (уход с исторической арены традиционного крестьянского уклада жизни, миграцию сельского населения в города и исчезновение деревень, негативные явления, тормозящие развитие сельщины и демократических основ советского общества), претерпевает изменения, но не меняется ее стержневая основа: диалектический взгляд на преемственность в движении истории от прошлого к будущему. Мысль такого героя в более поздних произведениях становится активной, пытающейся осознать историческую оправданность и социальную целесообразность подобных процессов. Материальные, нравственные, культурные потери, по мнению героя «Бобришного угора» (1967), в котором угадывается автор, порождены непониманием особенностей и перспектив социально-исторического развития. Размышляя о том, как «потухают очаги нашей деревенской родины — истоки всего», о «приговоре необратимого времени», он приходит к выводу, что сформировались, прививаются от поколения к поколению новые идеологические критерии, не всегда учитывающие сложную диалектику реально-

го развития жизни: «...мы... изумительно научились оправдываться невозможностью рубить лес без щепы... и ограничиваем борьбу за новое всего лишь разрушением старого. Потому что, чтобы разрушить, зачастую требовалось меньше ума, чем сделать новое, не разрушив того, что уже было. Ах, как многие из нас любят разрушать, как наивно уверены в том, что войдут в историю! Но ни один хозяин не будет ломать старую избу, не построив сперва новую, если, конечно, он не круглый дурак...» [4, т. 1, с. 523, 533].

Таким образом, герой Белова включается в «дискуссию о путях преобразования нашего мира и о месте традиций прошлого в этом мире» [6, с. 197]. Углубление его позиции, миропонимания особенно стало очевидным с появлением «Привычного дела» (1966) и «Плотницких рассказов» (1968), когда проза Белова вышла к широким художественным обобщениям в изображении национальной жизни, пародного характера.

Вглядываясь в уходящее поколение крестьян, Белов отмечает его поразительную жизнестойчивость, моральную силу и накопленный опыт. В этом смысле программным произведением, предваряющим повести второй половины 60-х годов, является рассказ «Весна» (1964). В трагических обстоятельствах военного времени крестьянин Иван Тимофеевич, потерявший многое (погибли на фронте сыновья, умерла жена, колхозное хозяйство пришло в упадок), решившись на самоубийство, находит в себе силы преодолеть слабость. Его коллективистское сознание, совесть, не дающая замкнуться в личной драме, требующая соотнести свою судьбу с трагедией всего народа, страны, приводят к единственному выбору: «Надо было жить, сеять хлеб, дышать и ходить по этой трудной земле, потому что другому некому было делать все это» [4, т. 1, с. 348].

В драматических обстоятельствах, возникших на иной почве, изображается судьба Ивана Африкановича, его семьи в повести «Привычное дело». Внимание автора направлено на среду и обстоятельства, их воздействие на внутренний мир и социальную позицию человека. В характере Дрынова сосуществуют в сложном единстве как положительные, так и «попехонские» черты, отражающие — по замыслу писателя — груз старых негативных традиций и новых, сформированных в душе крестьянина в условиях жизни деревни 50—60-х годов.

Социальная активность личности — в художественной интерпретации Белова — не может ограничиваться от нравственных представлений этой личности, ее жизненной устойчивости и ориентации в окружающем мире, ее психологического склада, а сама деятельность человека не сводима лишь к производственной. Художественный показ социально-нравственной реализации личности (после не совсем удачных попыток в первых повестях — «Деревне Бердяйке» (1961), «Знойном лете»

(1963) — открыто-социального повествования) переместился в беловском сюжете в область семейных и бытовых отношений. Но в изображении писателя семья попадает в перекрестие исторических и социальных сил (семья Дрыновых, Роговых и Начинных в «Привычном деле» и «Канунах», Зорина и Медведева в «Воспитании по доктору Споку» и романе «Все впереди»), испытывая всю полноту драматического бытия, становится ареной борьбы нравственных, социально-исторических взглядов как средоточие, жизненный центр существования человека.

Трагедия семьи Дрыновых отразила драматические коллизии деревенского бытия, но случаи с сеном для личных коров («нет, не могли покосить для своей коровы — и весь протокол»), низкий трудодень, трудные условия работы — это не только тяжелые последствия войны, но и верхушка «айсберга» экономических просчетов, порочных методов хозяйствования на земле, нарушения демократических принципов жизни и производства. Знаменательно в этом отношении пожелание одного из персонажей повести: «С Москвой-то у нас связь хорошая. Москва-то в нашу сторону хорошо говорит. А вот бы еще такую машину придумать, чтобы в обе стороны, чтобы и нас-то в Москве тоже слышно было» [4, т. 2, с. 76, 77].

Образ жизни, привычный круг духовных ценностей героя разрушается, в то же время обладая большой силой устойчивости. «Никакой бумажки о том, где кто косит по ночам, Иван Африканович не написал. Он и не подумал ее писать» [4, т. 2, с. 71, 72], так как поведение, характер главного героя проявляются в органичной связи с деревенским миром, демократическими принципами разумного землепользования. Колебания его в эпизоде с уполномоченным обрисовывают ту сферу общественных отношений, те явления, которые способствовали явлению «пошехонских» черт характера героя («Уж так повелось, что всю его судьбу решали всегда без него...») [4, т. 2, с. 129, 130]. Для него занять твердую позицию — войти в противоречие с официальной экономической политикой; подписать «бумажку», предложенную как компромисс уполномоченным, выполнить «функции» депутата — поступиться совестью, уважением людей, так как «...один бес, каждое лето покос в лесу остается, трава под снег уходит» [4, т. 2, с. 77].

Тезис «у Белова человек не странник, а житель» [1, с. 181] относится именно к подобному типу героя. Обстоятельства поуждают героя на «странничество», уход из деревни. Но в контексте исторического времени, когда «колесная жизнь давно вошла в моду» [4, т. 2, с. 108], свой моральный выбор беловский герой совершил, побывав в «вольных казаках» и решив окончательно: «Обсыпь теперь золотом — никуда больше не поеду» [4, т. 2, с. 113].

Идея исторической преемственности оказывается главенствующей в творчестве Белова. Писатель создал галерею народных характеров, изобразив ретроспективно («Плотницкие рассказы», «Бухтины вологодские») и прямо в сюжете («Кануны», 1974—1976) историческое прошлое, события которого повлияли на психологию крестьянина, многое объясняют в деревенской действительности. В центре этих произведений — столкновение взглядов на прошлое, настоящее и будущее советской деревни. Социальная позиция героев стала более определенной, судьбы героев развиваются на широком историческом, социальном фоне времени.

Крестьяне в «Канунах» изображены способными осуществить свой выбор в рамках социальной системы. Данило Пачин, отстаивавший право «голоса», видит в коллективном труде будущее крестьян, которые за годы советской власти оказались подготовленными к коллективизации: «...сообща-то мужикам и раньше бывало легче. А когда земли у всех тепериче, так и сам бог велел сообща» [4, т. 1, с. 208].

Но на путях строительства новой деревни возникли остро-социальные конфликты. Правоуклонистские и левацкие методы в проведении коллективизации оказались на руку тем, кто глубоко не задумывался о сложностях задач революционного преобразования мира. «Омужичившийся интеллигент» Прозоров на слова Лузина «переделаем всю Россию. От старой России не останется камня на камне» высказывает сомнение («если разрушить все, и тогда ничего не останется, можно ли что-то создать из ничего») и получает ответ: «Сомневаетесь в праве большевиков переделывать мир <...> человек имеет право на активные действия <...> я предпочитаю сознательное и коллективное действие» [4, т. 1, с. 108—110]. Не сомневаясь в этом историческом праве, Белов указывает на сложности преобразований, допущенные промахи.

Историческое право получает не только Лузин, но и Сопронов. На деревенской почве появился другой тип личности, эгоцентрическое сознание которой, по мысли писателя, направлено не в сторону прогресса, а тормозит движение общества. Это фигура социального демагога и такого человеческого типа, сознание которого сформировано отнюдь не благоприятными явлениями в нашей прошлой действительности. Не только эгоизм, приспособленчество на гребне исторической волны, но и, главным образом, отсутствие памяти о прошлом, игнорирование трудовых и нравственных традиций русской деревни приводят Сопронова к тому, что он, поделив «народ» на «три разряда», считает себя уже застрахованным от политических ошибок. Отвергнув «Россию старую», видя в ней лишь отрицательное наследство, он разрушает заодно и здание крестьянской самостоятельности на земле, не принимая в расчет реальную диалектику переустройства «мира» Шибанихи.

И Лузину, и Сопронову присущ социальный оптимизм. У первого он базируется на марксистском понимании классовой борьбы («нельзя стричь всю страну под одну гребенку») [4, т. 1, с. 273], у второго выливается в грубый политический схематизм.

Такой тип личности выявлен Беловым в образе Авишера Козонкова («Плотницкие рассказы»). Споры героев-антагонистов «показывают всю относительность «личной» правды по сравнению с исторической правдой века» [6, с. 194]. Убежденный в правоте своей деятельности по организации колхоза, Козонков мыслит однолинейно: «Федуленка нельзя принимать по классовым причинам: у него две коровы, два самовара» [4, т. 2, с. 242]. В обсуждении современного бедственного состояния колхоза (19 глава) Козонков и Олеша Смолин указывают разные причины; поверхностность мышления первого, вызывающего только к «директиве», «дисциплинке», и глубина понимания исторической перспективы другим («трудился мужик, землю обласкивал, а вы с Табаковым его под корепь» [4, т. 2, с. 262]) подчеркивают разность взглядов на труд крестьянина, методы управления и хозяйствования на земле.

В 70-е годы Белов вновь обратился к изображению «полугородской-полудеревенской» личности. Константин Зорин — герой цикла рассказов и повестей «Воспитание по доктору Споку» (1974—1979) — не столько фигура «стороннего наблюдателя жизни», «лишнего человека» в обществе (В. Бондаренко), его образ воплощает новый тип личности, возникший в современную урбанизированную эпоху. Пытаясь механически соединить два противоположных мировоззрения (наступательную, а на поверку демагогическую активность Козонкова и гуманизм Смолина), герой терпит поражение. Белов считает, что такой личности еще предстоит осуществить строгий отбор духовных ценностей прошлого и настоящего. В предисловии к «Ладу» (1979—1981) писатель утверждал: «...молодому человеку необходимы прежде всего высокие нравственные критерии... Но нельзя воспитать в себе эти высокие нравственные начала, не зная того, что было до нас» [4, т. 3, с. 5].

Замысел романа «Все впереди» (1986) вырос из эволюционирующей беловской концепции личности, в которой доминанта — отношение человека к прошлому, настоящему и будущему. В романе развиваются идеи «Капунов», «Воспитания по доктору Споку», а также взгляды писателя, воплощенные в «Бобринском угоре» и «Плотницких рассказах».

Устами одного из героев романа автор оценивает особенности современного мироощущения и находит в нем упрощенческие черты социального оптимизма Козонковых и Сопроновых, в котором прошлое, как уже отмечалось, «отсекается», а будущее видится в розовых красках: «...нам кажется, что все впереди... наши мечты о будущем, не теряя... возможностей к ре-

альному воплощению, таили в себе опасность бездействия и ложных путей. За идеализацию нашего будущего и прозвали нас оптимистами» [5, № 7, с. 101]. Признавая, что «мы не имеем права на выбор», что выбор социалистического пути уже совершен «отцами», герой призывает к активной гражданской позиции: «Годы летели мимо нас, но нам все еще думалось, что все впереди... Иллюзия, с которой мы не можем расстаться, спасает от краха одних розовых дурачков... Теперь нам пора отрешиться от всяких иллюзий... в нашей... власти сделать этот остаток значительней всего предыдущего» [5, № 7, с. 101].

Персонажи романа — интеллигенты. Многие из них считают, что «все впереди»: «Люба всегда жила... послезавтрашним днем, думала только о будущем, не замечая настоящее и совсем не вспоминая о прошлом... считала, что самое прекрасное впереди» [5, № 7, с. 30]. Столкнувшись с драматической реальностью сегодняшнего дня, они оказались не в состоянии внести позитивное в жизнь общества, занимают выжидательную позицию или разрушают судьбы окружающих людей. «Альтруист» Зуев, нравственно сломленный, удалился из Москвы, строил корабли-модели и «жил благодаря своим ретроспективным созданиям» [5, № 8, с. 76], Бриш видит в окружающих «хамство», на деле распространяя его сам, мышление «бритого профессора» и Академика — «истинное средневековье». «Нравственная анестезия», «дефицит искренности», «конфронтация» — атрибуты поведения и мироощущения героев романа «Все впереди».

Семья Медведева зеркально отразила противоречия эпохи: борьба за семью становится борьбой за социальную справедливость. Споры героев романа об общественных и личных проблемах — это, в сущности, отражение борьбы за перестройку мировоззрения, сознания современного человека, в которой даже не колебания, означающие поиск, а непонимание диалектики реальной, невыдуманной жизни, малейшие, не замеченные человеком просчеты, отступления неизбежно толкают его в стан противника.

Герои романа «все только и делают, что чего-то ждут» [5, № 8, с. 110]. Чрезмерная устремленность в завтра, идеализация не только прошлого, но и будущего, утверждает автор, оборачивается пассивностью человеческого поведения, индифферентной позицией личности в общественной и личной жизни. Между тем, в романном повествовании жизнь показана стремительно развивающейся, ставящей перед личностью нелегкие вопросы, на которые необходимо не только отвечать, но и действовать, не перекладывая ответственности на чужие плечи. В этом — пафос романа, всего творчества В. И. Белова,

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аннинский Л. Точка опоры // Дон. 1968. № 7.
2. Белов В. В дождливый вечер // Коммунар. 1956. 21 нояб.
3. Белов В. На родине // Вологодский комсомолец. 1962. 9 дек.
4. Белов В. Избранные произведения: В 3 т. М., 1983—1984.
5. Белов В. Все впереди // Наш современник. 1986. № 7, 8.
6. Насущные проблемы современности в советской прозе 70-х годов и тенденции эволюции повествовательных форм // Zeitschrift für Slavistik. Berlin. 1982. Bd. 27. N 2.

Г. А. Черная

г. Москва

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ О ДЕТСТВЕ В СОВЕТСКОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 60—70-х ГОДОВ И ЕЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Обостренный интерес к личности человека, его социально-нравственному облику, отличающий всю современную литературу, особенно ярко проявился в жанре мемуарно-биографическом, который пополнился за последние десятилетия многими значительными произведениями. Практически каждое из них — «Человек и Время» М. Шагинян, «Освещенные окна» В. Каверина, «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» В. Катаева, «Последний поклон» В. Астафьева, «Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде» В. Шефнера и другие — отличается друг от друга не только индивидуальной авторской манерой, но и тем, что является своеобразной и во многом неповторимой вариацией «непроявленного» (И. Шайтанов), то есть не имеющего достаточно четких очертаний и не до конца изученного жанра. В одном случае это рассказ не столько о себе, сколько от своего имени о времени и людях — книга «Многих судеб и одной моей судьбы». Такой, например, стала «Капля росы» В. Солоухина, по словам автора, «портрет не целой Владимирской земли, но небольшой русской деревни, спроецированной на золотой экран невозвратного детства крестьянского мальчика» [6, с. 8]. В другом случае перед нами «не столько перечень фактов и наблюдений, сколько летопись впечатлений», как сказал о своих воспоминаниях В. Шефнер [10, с. 287—288].

Среди многих разновидностей современной художественно-биографической прозы, тяготеющей и к жанру литературного портрета, и к жанру лирической повести-исповеди, особое место занимает автобиографическая повесть о детстве, представ-